

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 420–426

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 420–426

<https://bonjour.sgu.ru>

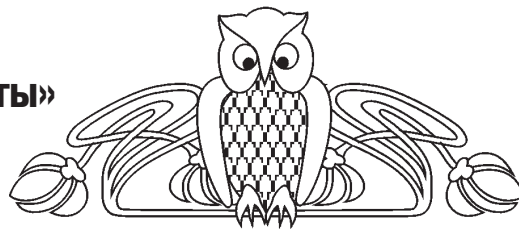
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-420-426>

Научная статья

УДК 821.161.1.09+929[Достоевский+Чернов+Иванов-Разумник]

Ф. М. Достоевский в журнале «Заветы» (1912–1914): к постановке вопроса

Н. В. Новикова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Новикова Наталья Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, novikovanv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0197-2808>

Аннотация. Предпринимается попытка обозначить узловые моменты присутствия Ф. Достоевского в контексте литературно-критических выступлений журнала «Заветы», прежде всего, его соредкторов, В. Чернова и особенно – Иванова-Разумника. Его отношение к писателю как «мировому гению», «апогею этического индивидуализма», выраженное в целом ряде статей, следует признать программным для издания. В этом фарватере – критическая рецепция А. Долинина и рецензии в библиографическом отделе.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, журнал «Заветы», В. Чернов, Иванов-Разумник, литературная критика, преемственные связи, библиография

Для цитирования: Новикова Н. В. Ф. М. Достоевский в журнале «Заветы» (1912–1914): к постановке вопроса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 420–426. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-420-426>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

F. M. Dostoyevsky in the Journal *Zavety* (1912–1914): Stating an issue

N. V. Novikova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalya V. Novikova, novikovanv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0197-2808>

Abstract. The article attempts to identify the key moments of F. Dostoyevsky's presence in the context of the literary and critical declarations of the journal *Zavety*, primarily, by its co-editors, V. Chernov, and especially by Ivanov-Razumnik. His attitude towards the writer as a "world genius", "the apogee of ethical individualism", expressed in a number of articles, should be considered programmatic for this journal. A. Dolinin's critical reception and reviews in the bibliographic department are in line with this attitude.

Keywords: F. M. Dostoyevsky, journal *Zavety*, V. Chernov, Ivanov-Razumnik, literary criticism, continuity ties, bibliography

For citation: Novikova N. V. F. M. Dostoyevsky in the Journal *Zavety* (1912–1914): Stating an issue. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 420–426 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-420-426>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Имя и слово Достоевского неоднократно появляются на страницах литературно-общественного журнала «Заветы», выходящего в Петербурге в 1912–1914 гг. Прежде всего, они присутствуют в публицистике и литературной критике инициатора и политического редактора этого «неонароднического» издания, концептуально выдержанного в лучших традициях отечественной периодики, В. Чернова. Взять хотя бы его развёрнутый отзыв на роман В. Ропшина (Б. Савинкова) «То, чего не было» – о трагических судьбах братьев-террористов: уже самим названием – «Две бездны»¹ – он актуализирует

содержательную поэтику Достоевского, которая избирается ключом к пониманию новейшего произведения².

Одной их определяющих фигур в литературной классике – выразительнице философской, социальной и нравственной мысли в России – Достоевский был и для соредктора «Заветов» Иванова-Разумника³. Писатель, наряду с Л. Толстым, расценивается им как вершинное явление «этического индивидуализма в истории русской (и даже европейской) общественной мысли XIX века»⁴. Иванов-Разумник, в качестве ведущего литературного критика издания, апеллирует к

«мировому гению»⁵ в целом ряде «заветовских» статей⁶. От него исходит концептуальное понимание откровений пятикнижия, ключевое для художественно-беллетристической платформы журнала в целом. Его творческая практика, в которой нынешняя академическая наука находит рациональное зерно, «прорастает» в современных подходах к изучению литературного движения 1900–1910-х гг. Приверженность критика к «вечным ценностям»⁷ русской словесности – в основе всех его суждений о текущей литературе⁸. Духовно-нравственные, философско-этические «заветы» Достоевского, наряду с пушкинскими и толстовскими, особенно близкие Иванову-Разумнику, становятся мерилем оценки художественного освоения современности, критерием жизнеспособности или мертвенности литературных новинок и общелитературных тенденций.

Обратимся к двум примерам принципиальной важности. Аналитический обзор шеститомного Собрания сочинений С. Сергеева-Ценского предваряется рассуждением о преемственных связях в русской литературе, которая, «как и всякая великая литература – трагична (курсив автора. – Н. Н.) по своим устремлениям, по своим вопросам и исканиям»⁹. Рецензент считает, что Сергеев-Ценский «связан с прошлым русской литературы» в её «духовной сущности» (240). Этим и обусловливается, с его точки зрения, интерес к тому, «как мало-помалу развиваются и переплетаются темы Сергеева-Ценского вокруг вечных вопросов о смерти и жизни, о случае и судьбе» (240), что подталкивает человека к поискам счастья. «Усладительный» его вариант появляется в романе «Поручик Бабаев», в связи с чем – от противного – и возникает в сознании Иванова-Разумника пронзительный эпизод «богохульственных» признаний Ивана Карамазова Алёше, его «бунт» против «высшей гармонии», для воцарения которой «необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище»¹⁰. Критик вскрывает судьбоносный смысл ситуации, поверяет творчество современника гуманистической идеей Достоевского: «Кто нуждается в облегчении жизни и самообмане – пусть берёт их от жизни; но такому счастью не будем завидовать. Иван Карамазов когда-то почтительнейше возвращал Господу Богу билет для входа в райские владения: “Слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему столько платить за вход”... Цена эта – неповинные страдания человеческие. Но те, которые хотят получить счастье отказом от страданий, берут жизнь всякую, лишь бы безбольно и сладко было, – слишком дешево хотят они купить свою жизнь, и такое приобретение гроша ломаного не стоит. Подлинный человек должен искать не облегчения, а освящения жизни, хотя бы через муки и страдания свои» (242). Квинтэссенция этого выбора, который Иванов-Разумник почувствовал в художественной

позиции Сергеева-Ценского, – заключительная фраза: «Жизнь надо заслужить» (242).

По всей видимости, глубоко мотивированными в разумниковской системе представлений о заглавных идеях Достоевского были публикации триолетов Ф. Сологуба под общим названием «Земля родная» и в том же выпуске журнала – отклик на них. Мысль критика об «одной из вечных нот» сологубовского творчества звучала новаторски: поэт, на его взгляд, «неизбежно идёт к единственному исходу – к принятию субъективного смысла жизни, к принятию “земли”, жизни, мира» (182). Эти «вечные звуки его поэзии» оценщик улавливает у Ницше и вслед за ним – у автора «Братьев Карамазовых»: «И разве все “горнила сомнений” и отрицаний Достоевского помешали последнему его призыву: “Землю люби и ненавистимо целуй!”» (182). Действительно, любовь к земле, к «почве» – один из центральных мотивов в романистике и публицистике Достоевского¹¹. Находясь на поверхности, применительно к лирике Ф. Сологуба они оставались незамеченными до Иванова-Разумника.

Творческий портрет Ф. Сологуба, созданный одним из постоянных авторов журнала, молодым тогда критиком А. Долининым, впоследствии – признанным исследователем творчества Достоевского, тоже содержит обращение к классике¹². Благодаря В. Чернову, Иванову-Разумнику, А. Долину Достоевский «прописан» в центральных отделах ежемесячника: «Дела и дни», «Литература и общественность», что свидетельствует о значимости для «заветовцев» самой фигуры писателя. Отдельно следует сказать о регулярном присутствии Достоевского на периферии журнала: в списках «книг, поступивших в редакцию для отзыва», в ежемесячно публикуемых «Книжных новостях». Однако в «Заветах» нет статей, специально ему посвящённых, в отличие, скажем, от «кадетской» «Русской мысли», с которой «эсерский» журнал полемизировал по вопросам стратегии и тактики социалистического движения и расходился в оценке явлений «текущей» литературы: в те же годы там были опубликованы две статьи, посвящённые Достоевскому¹³. Несмотря на отсутствие публикаций программного характера, оценивающих роль личности властителя дум в отечественной литературе и культуре и его многосложное творческое наследие, отношение к писателю в «Заветах» выражено со всей определённостью, что следует из сказанного.

Надо полагать, востребованность Достоевского в начале 1910-х гг., накануне появления «Заветов», объяснялась и объективно исторически: назревшей необходимостью осмыслить его феномен в связи с тридцатилетием ухода писателя. И в таком случае нельзя не сказать об осознанном выборе сотрудниками журнала и его авторами независимой позиции в постижении его нравственно-философских исканий и гениальных прозрений. Впечатляет философско-эстетический

контекст, на фоне которого выступает «заветовский» Достоевский. Отнюдь не на дальних подступах к нему оказываются, с одной стороны, «Жестокий талант» (1882) Н. Михайловского, которого «заветовцы» чтит как своего прародителя (незадолго до появления журнала статья была переиздана в составе Полного собрания сочинений сторонника народнических идей), с другой – «Три речи о Достоевском» (1881–1883) Вл. Соловьёва (в 1912 г. они тоже были переизданы в составе его Собрания сочинений): то и другое – на слуху у читателя начала 1910-х гг.¹⁴

Обратимся к локальной части материалов, которыми располагают «Заветы» для разговора с читателем о Достоевском. Ими, в первую очередь, являются рецензии, помещённые в библиографическом отделе. Объектом их становятся разнотипные издания, выбор которых показателен. Помимо откликов на публикацию воспоминаний о Достоевском¹⁵ и на исследования его творчества и мировоззрения¹⁶, в «Заветах» напечатан отзыв на спектакль по роману Достоевского «Бесы»¹⁷. Любопытно, что критики «Русской мысли» из относящихся к Достоевскому книжных новинок и спектаклей выбирают для рассмотрения те же, что их коллеги из «Заветов»¹⁸. Это может указывать и на то, что книги и спектакль оказались действительно из разряда заметных, откликнуться на которые для солидного издания было само собой разумеющимся, и на то, что они затронули важные для обоих журналов внутренние установки, что тоже не могло остаться без ответа. Остаётся уточнить: в долининский обзор книг входят названные мемуары А. Врангеля и «критический очерк» В. Переверзева.

Что же для «заветовских» критиков представляет интерес в потоке литературы о Достоевском? Как оцениваются новые издания? В чём видятся их достоинства и в чём – недостатки? Какую лексику получает читатель? Как в ней раскрывается критик – посредник между читателем и мемуаристом, читателем и истолкователем творчества великого писателя?

Начнём с отзыва О. Ларина на публикацию воспоминаний А. Врангеля, в годы дружеского общения с претерпевающим тяжёлое наказание писателем – начинающего юриста, получившего назначение в Семипалатинск и исполнявшего там должность стряпчего по уголовным и гражданским делам. Опытный критик читает книгу, над которой велась работа в 1906–1908 гг., с исследовательски оправданным запросом к свежей странице памяти о великом соотечественнике. Зная цену документа и опираясь на «единственный источник» – письма Достоевского той поры, рецензент обрисовывает личность автора воспоминаний, «близко стоявшего» к писателю, в свете искренней симпатии последнего. Памятуя о том, что знакомство барона с Достоевским относится ко времени «перерождения убеждений»,

как названо оно в «Дневнике писателя», времени, «наименее освещённом» «в неразработанной и тёмной области, именуемой биографией Достоевского»¹⁹, О. Ларин ждёт от свидетеля «медленно подготовлявшегося перелома» «чего-нибудь нового о внутренних, интимных переживаниях только что отбывшего наказание “великого каторжника”» (173). Однако, по мнению критика, воспоминания барона Врангеля «меньше всего оправдывают эти ожидания», «большой частью» это «чисто внешнее описание жизни Достоевского, даже вернее – протокол» его жизни (173). С точки зрения рецензента, ценность книги А. Врангеля снижается из-за «не идущих к делу личных воспоминаний» (174), «растянутости и бесчисленных отступлений, которые дают тон всей книге» (176). Оценщик резонно замечает, что «центр тяжести её почему-то не в Достоевском, как обещает заглавие, а в бароне Врангеле, его переживаниях, чувствованиях и мыслях. Всё это, возможно, имеет свой интерес, но к чему же тогда было книгу называть “Воспоминания о Достоевском”, а не просто “Воспоминания”? Это ближе бы определило характер книги» (176).

Однако в тех фрагментах, которые воссоздают образ Достоевского, О. Ларин находит характерные «мелкие подробности», «конкретное содержание», что позволяет ему признать: написанное А. Врангелем «представляет интерес и обогащает биографию Достоевского кой-какими новыми данными» (174). Более того, даже указывая на «неверное утверждение» мемуариста о том, что «жизнь Достоевского бессрочным солдатом в Семипалатинске никогда не затрагивалась в печати», критик считает, что воспоминания А. Врангеля «выгодно выделяются» на фоне «отдельных отрывочных воспоминаний»: «ким можно верить <...> вне всякого сомнения, сообщённые бароном сведения и факты – не вымысел и не плод фантазии» (174). К достоинствам книги относится и то, что в ней «довольно ярко освещены <...> отношения Достоевского и Исаевой», в которую тот «влюбился со всем пылом молодости», приняв «за взаимную любовь <...> чувство жалости и сострадания» (175). «Это свидетельство очевидца ценно», – подчёркивает О. Ларин, ссылаясь на подтверждения в письмах Достоевского к барону и отмечая в связи с этим новизну ещё «некоторых интересных деталей» (175). Таким образом, та часть рецензируемой книги, которая посвящена собственно Достоевскому, удовлетворяет строгим требованиям критика, владеющего материалом, и оценивается им по достоинству. Читатель профессионально и оперативно оповещён о качестве только что опубликованных мемуаров, им отводится подобающее место в ряду многих других. Нельзя не сказать о том, что в извлечениях воспоминания А. Врангеля по сей день включаются в обширный корпус мемуарных свидетельств о Достоевском²⁰ и подаются они сходным об-

разом, как «обстоятельные и <...> “тёплые”», при том что в них «Достоевский – “внутренний человек” – в общем-то остаётся для нас как клад за семью печатями...»²¹.

Положительную оценку получает в «Заветах» и многосоставное издание мемуарно-эпистолярного характера, подготовленное к печати Ч. Ветринским. А. Фомин как рецензент первопродходческой в отношении к Достоевскому книги отдаёт должное тому, что в ней впервые «собраны такие ценные для изучения его жизни, миросозерцания и творчества материалы-первоисточники»²². Обнаруживая осведомлённость по части предшествующих публикаций писем Достоевского и по содержанию библиографических указателей, «составленных А. Г. Достоевской, С. А. Венгеровым, А. В. Мезиер», критик признаёт, что, «облегчая разыскивание, они не избавляют от непроизводительной затраты времени на ознакомление с материалами, разбросанными по разным, иногда мало доступным, книгам, газетам и журналам» (217). Очевидно, что для А. Фомина немаловажным было то, насколько книга поспешествует читательскому пользованию и подобающей организации исследовательского труда. Как известно, эти критерии не утрачивают своего значения и поныне, становясь ещё более актуальными. Так что понятен настрой рецензента: «Нельзя не приветствовать появления работы Ч. Ветринского, ставящей своей задачей заполнить отмеченный существенный пробел в литературе о Достоевском» (217–218).

Расценивая сам факт появления такого рода книги как действительное событие (и с этим спустя годы нельзя не согласиться), А. Фомин не впадает в панегирический тон, а пытается «критически» разобраться в её содержании. Для него «самым существенным является вопрос о том, насколько тщательно составитель книги ознакомился с литературой предмета, насколько хорошо выбран им из неё материал» (218). Разумеется, для ответа на этот вопрос сам рецензент должен был свободно им владеть, что и обнаруживается в скрупулёзном анализе результатов проделанной Ч. Ветринским работы и вытекающем из её детального рассмотрения выводе: составитель «вполне удачно справился с нелёгкой задачей, потратив, несомненно, большой труд на её выполнение» (218).

В заслугу Ч. Ветринскому А. Фомин ставит то, что герой рецензии «не преследовал исчерпывающей полноты, а стремился, разобравшись критически в литературе о Достоевском, собрать лишь наиболее ценное или характерное в каком-либо отношении», что «в его работе видно хорошее знание литературы о Достоевском, материалы взяты из самых разнообразных источников», что в «выборе материала» не наблюдается признаков «субъективного определения относительной ценности того или иного письма, воспоминания и т.д. <...> но если и возможно, что Ч. Ветринский

в каком-либо случае ошибся в этом определении <...> то это не может сколько-нибудь значительно уменьшить ценности книги, её полезности» (218).

Автор рецензии специально останавливается на «доброй услуге», которую книга окажет «лицам, серьёзно изучающим Достоевского», и на том, что «особенно хорошую службу сослужит работа Ч. Ветринского широкой публике, давая ей возможность без особой затраты времени ознакомиться с жизнью и личностью Достоевского не из вторых рук, не по историко-литературным трудам, а непосредственно по первоисточникам» (218). Причём А. Фомин касается и качества научного аппарата книги, одобрительно отзываясь о примечаниях к письмам и воспоминаниям, в которых фиксируются «недостовверные места, <...> даются краткие сведения об упоминаемых лицах, адресатах, что имеет значение для недостаточно осведомлённого в истории литературы читателя» (218).

С точки зрения рецензента, «заслуживает похвалы» и то, что Ч. Ветринский «привёл и некоторые другие ценные материалы» (рассказ об аресте Достоевского, показания по делу М. Петрашевского, выдержки из записной книжки, письма И. Тургенева и Л. Толстого о Достоевском и т.д.). «Полезным справочным пособием», по мнению А. Фомина, является и составленная Ч. Ветринским «хронологическая канва для биографии Достоевского» (219). Достоинство её опять-таки в том, что составитель «с достаточной осторожностью отнёсся к источникам, пользуясь такими достоверными, как материалы-документы» (219).

Некоторые замечания, с учётом «целесообразности», были высказаны об отделе библиографии, завершающем книгу, и о вступительной статье Ч. Ветринского. Проникаясь сложностью задуманного, сообразуясь с «довольно широкой задачей», которую ставил перед собой автор, – на сорока шести страницах «не только обрисовать жизнь Достоевского, но и охарактеризовать его личность, проследить развитие миросозерцания и творческой деятельности», – А. Фомин вынужден констатировать: «Очерк Ч. Ветринского – конспективен, как общее введение к книге – он удачен», поскольку автор его и в этом деле «стремится быть как можно более объективным» (219).

Как видим, такие понятия, как объективность, надёжность источников, экономия времени, адресат, ценность и польза, – постоянны в поле зрения А. Фомина. Его отзыв о незаурядном издании можно счесть кратким, но добротным наглядным пособием для начинающих критиков, так как рецензент оказывается вровень с составителем и по знанию материала, и по чувству ответственности, без которых не может быть и речи о культуре литературно-критического труда. В этом плане рецензия А. Фомина сродни рецензии О. Ларина.

Кстати, чтобы дать почувствовать жанровые оттенки «заветовских» рецензий, связанных с именем Достоевского, а через этот срез – в целом тон и колорит, основательность, профессионализм выступлений на страницах библиографического отдела «Заветов» – коснёмся ещё одной оценочной позиции, фактически – отповеди. Она обязана своим появлением «критическому этюду» В. Переверзева, а сравнительный элемент в её восприятии вносит принадлежность перу уже знакомого нам О. Ларина. Объект оценки побуждает критика избрать иную интонацию в разговоре с читателем, нежели в прежнем случае. Первая фраза рецензии содержит в себе главную претензию к «труду г. Переверзева»: «В обширной литературе о Достоевском, один только указатель к которой составляет объёмистую книгу», он, на взгляд рецензента, «займёт исключительное положение по ужасающей плоскости мысли»²³. Последняя фраза возвращает к концептуальному изъяну и закольцовывает рецензию убийственным выводом: «Вся книга в её целом является сплошным *larsus*’ом наивной, вульгарной и однобокой мысли, вся книга может служить лучшим примером того, как *не надо* (здесь и далее курсив автора. – Н. Н.) подходить к творчеству Достоевского» (137).

Причину такого «падения» О. Ларин справедливо усматривает в том, что «центр тяжести работы г. Переверзева не в анализе и не в характеристике героев Достоевского, что ему ещё более или менее удаётся, а в стремлении автора подвести определённое “бытие” под “сознание”» (135) созданных классиком персонажей. Учёный, по словам критика, «огульно причисляет их всех к числу идеологов обедневшего городского мещанства» (135). «Для автора персонажи Достоевского прежде всего и только представители упадочно-мещанства, которые “вольно или невольно лишились участия в процессе общественного производства”...» – такие «смелые и прямолинейно-нелепые положения» удастаиваются иронии, рецензент никак не может согласиться с ними и обращает против историка литературы его же оружие. Таковым оказывается простое воспроизведение переверзевской логики, когда «сложная психология» героев Достоевского «примитивно» объясняется «неустойчивым экономическим положением» пресловутого мещанства, «вытесняемого на “дно” жизни крупным капиталом», когда это «падение на “дно”» обуславливается психологией «своевольного» и «кроткого», а психология «двойника» объясняется «постоянным положением между молотом и наковальней» (135). В. Переверзев, по ироническому замечанию О. Ларина, «стремится на прокрустово ложе этой схемы уложить всех героев Достоевского» (135), «с достойной лучшей участи смелостью объясняет даже трагедию Раскольникова, например, лишь тем, что тот *мещанин*, лишённый средств к жизни!..» (136). Саркастические вос-

клипания следуют одно за другим: относительно переверзевских трактовок князя Мышкина, Валковского, Зосимы – они «всё в том же “кухонном” роде!» (136).

При помощи хлёсткого, публицистически заострённого образа выразился на сей счёт Иванов-Разумник. Характеризуя состояние «текущей» литературы, он, в отличие от коллеги, уже не столь сдержанно писал о людях, которым «решительно всё в литературе, и прошлой, и современной, решительно всё понятно до тонкости. Есть у них свой универсальный аршинчик, – пояснял критик, – которым они с одинаковой лёгкостью и бодростью духа измеряют и литературу, и собственный рост, и расстояние между звёздами. Это – ветераны и эпигоны марксизма, с безнадежно упрощённым и уплощённым социологическим методом в руках. До какой плоскости мысли доводит этот аршинчик, можно видеть хотя бы из вышедшей в минувшем году книжки г. Переверзева о творчестве Достоевского. Но зато люди, довольствующиеся этим аршинчиком, – самые счастливые люди на свете: им всё понятно, решительно всё, – елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах под землёю... В частности, современная русская литература понятна им до тонкости: литература эта есть проявление духа или разлагающейся буржуазии, или ещё сильной буржуазии, или растущей демократии. А раз художник попал в одну из этих рубрик, то, стало быть, что же дальше непонятного? Так и г. Переверзев в своей книге определил героев Достоевского словом “упадочное мещанство” – и доволен. Чего ему больше? Он понял Достоевского!»²⁴.

Рецензент, опережая созвучную оценку «критического этюда» литературным редактором, не оставляет ему ни малейшего шанса на благорасположение читателей – за то, что она «безнадежно скользит по поверхности вопроса», тем самым «обезличивая творчество Достоевского» (136). Тупиково-социологический вариант прочтения, которого придерживается В. Переверзев, произвёл на критика сильное впечатление прежде всего «удручающей плоскостью мысли» (136). А поскольку определяющая причина несоответствия исследовательского пути художественному носит методологический характер и не может устраниться моментально, то резюме О. Ларина, думается, именно это и констатирует: «Не дано г. Переверзеву сойти» с такой бесперспективной «плоскости» (136). Время показало, что рецензент против правды не погрешил, и это присуще не только приведённым здесь суждениям. Стремление В. Переверзева, по словам автора энциклопедической статьи, «изучать закономерности русского литературного процесса на основе историко-материалистической социологии и создать поэтику, которая <...> объясняет все элементы стиля <...> характерами, системой образов, определяемых классовым бытием», увековече-

но как отличительное. Не подлежит сомнению: «Объяснение художественного произведения непосредственно классовым бытием приводило к вульгарному социологизму»²⁵. Таким образом, суждения рецензента о вызвавшей критику монографии В. Перверзева оказались долговечными, поскольку были обоснованными, убедительными в своей глубине историко-литературного понимания подвергаемых оцениванию явлений.

Итак, именем Достоевского отмечены узловые моменты микро- и мегасюжетов литературной критики Иванова-Разумника на страницах журнала «Заветы». Им кодируются важнейшие нравственно-философские основания его «оценочной» деятельности, программный смысл его литературно-критических интерпретаций, сообщается драматический накал их версиям. Достоевский в «Заветах» – редкое по адекватности материалу и по значимости подспорье в истолковании явлений «текущей» литературы и жизни, способное вскрыть их жизнеспособность, обозначить перспективы историко-литературного функционирования или указать на прискорбное их отсутствие. Видимую эпизодичность и фрагментарность возникновения такого рода нравственно-философской константы в литературной критике Иванова-Разумника устраняет корреспондирование с его «допрежним» осмыслением феномена Достоевского в целом. С ним в «Заветах» создаётся поле особого одухотворения и строгости. И для критика, и для читателя журнала оно означает прикосновение к вечным вопросам и побуждает стремиться к вневременным духовным ценностям, девальвации которых Иванов-Разумник пытался противостоять.

Несмотря на публицистический оттенок высказываний о Достоевском, который в большей или меньшей степени обусловлен журнальным контекстом, знаковость обращения к нему объясняется, скорее всего, способностью создателей «Заветов» мыслить отнюдь не узкопартийными категориями. Их органическая потребность в духовной пище способствовала формированию такого читателя, для которого догадки гениального художника на пути постижения человеческой «тайны», его мучительные сомнения и открытия («подпольного» человека, нигилистического «бесовства», любви к «земле») оказывались востребованными для осмысления насущных нравственных проблем.

Примечания

- ¹ См.: Чернов В. Две бездны // Заветы. 1912. № 8. С. 112–143.
- ² Заметим, кстати, что идеолог партии социалистов-революционеров не расстается с Достоевским на протяжении всей своей бурной политической жизни, возвращается к нему и спустя тридцать лет, находясь в эмиграции, в статье «Стихия скитальчества у корифеев русской литературы», которая вышла в 1943 г. в Нью-Йорке в 4-м номере «Нового журнала».

³ См.: Иванов-Разумник. Толстой и Достоевский (Апогей этического индивидуализма) // Иванов-Разумник. История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века: в 2 т. 3-е изд., доп. СПб.: Тип. М. М. Сталюсевича, 1911. Т. 2. С. 206–289.

⁴ Там же. С. 206. Под «этическим ультраиндивидуализмом» Иванов-Разумник подразумевает художнически воплощённую «идею абсолютного самосовершенствования как основу всей нравственной и социальной жизни», «идею виновности каждого за всех» (Там же. С. 287).

⁵ Там же. С. 207.

⁶ См.: «Человек и культура (Дорожные мысли и впечатления)» (1912. № 6), «Русская литература в 1912 году» (1913. № 1), «Клопные шкурки» (1913. № 3), «Было или не было (О романе В. Ропшина)» (1913. № 4), «Полемика» и «критика» (1913. № 5), «Жизнь надо заслужить (Сергеев-Ценский. Собр. соч. Т. I–VI)» (1913. № 9), «Русская литература в 1913 году» (1914. № 1), «Вечные пути (Реализм и романтизм)» (1914. № 3), «"Земля родная" (Стихи Ф. Сологуба)» (1914. № 3) и др. Частично об апелляции критика к Достоевскому см.: Новикова Н. Ф. М. Достоевский в нравственно-философском контексте литературной критики Р. В. Иванова-Разумника // Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: X Виноградовские чтения: сб. ст. [и материалы] Междунар. науч. конф. (Москва, 15–17 ноября 2007 г.). Т. 2. Фольклор и литература: восприятие, анализ и интерпретация художественного текста / ред.-сост. С. А. Джанумов. М.: МГПУ, 2007. С. 123–129.

⁷ См.: Иванов-Разумник. Вечные ценности (Вместо введения) // Иванов-Разумник. Сочинения: в 4 т. Т. 1. Литература и общественность. СПб.: Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова, 1910. С. 3–4.

⁸ См.: Новикова Н. Р. В. Иванов-Разумник – редактор и автор журнала «Заветы» (1912–1914) // Литературно-критические выступления Р. В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: учеб. пособие / сост., вступ. ст., примеч. Н. В. Новиковой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. С. 3–44.

⁹ Цит. по: Литературно-критические выступления Р. В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: учеб. пособие / сост., вступ. ст., примеч. Н. В. Новиковой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. С. 240. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.

¹⁰ Достоевский Ф. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 223–224. Рецензент обращается к напряжённейшему моменту исповеди Ивана Карамазова: «Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотмщёнными. Лучше уж я останусь при неотмщённом страдании моём и неутолённом негодовании моём, *хотя бы я был и неправ* (курсив автора. – Н. Н.). Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу вернуть обратно. И если только я честный человек, то обязан вернуть его как можно

заранее. Это и делаю. Не бога я не принимаю, Алёша, я только билет ему почтительнейше возвращаю». Иван Карамазов «от высшей гармонии совершенно отказывается», ибо «не сто́ит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребёнка». По Достоевскому, в высшей степени немилосердно такой ценой, «на этих условиях» «возводить здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой» (Там же).

- ¹¹ В главе «Из бесед и поучений старца Зосимь», читаем: «Люби повергаться на землю и лобызать её. Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, всё люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоея и люби сии слёзы твои» (*Достоевский Ф. Братья Карамазовы*. С. 292). Соня, смотря на Раскольникова «огневым взглядом», просит его признаться в убийстве: «Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрёстке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: “Я убил!”» (*Достоевский Ф. Преступление и наказание // Достоевский Ф. Полн. собр. соч.* : в 30 т. Т. 6. Л. : Наука, 1973. С. 322). Раскольников перед решительным шагом «вдруг вспомнил слова Сони: “Поди на перекрёсток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух...”» (Там же. С. 405). Князь Мышкин объясняет переход в католичество своего благодетеля, Николая Андреича Павлищева, тем, что «он отечество нашёл, которое здесь просмотрел, и обрадовался; берег, землю нашёл и бросился её целовать! Не из одного ведь тщеславия <...> происходят русские атеисты и русские иезуиты, а из боли духовной <...> из тоски по <...> крепкому берегу, по родине, в которую веровать перестали, потому что никогда её и не знали» (*Достоевский Ф. Идиот // Достоевский Ф. Полн. собр. соч.* : в 30 т. Т. 8. Л. : Наука, 1973. С. 452). Затем князь ссылается на «выражение одного купца из старообрядцев»: «Кто почвы под собой не имеет, тот и бога не имеет» или «Кто от родной земли отказался, тот и от бога своего отказался» (Там же. С. 452–453).
- ¹² См.: *Долинин А.* Отрешённый (К психологии творчества Фёдора Сологуба) // *Заветы*. 1913. № 7. Отд. II. С. 55–85. Закономерно, на наш взгляд, включение давней работы в сборник статей А. Долинина о русской классической литературе «Достоевский и другие» (1989).
- ¹³ См.: *Болдырев Д.* «Зосима» Достоевского и «Бранд» Ибсена. Вдохновение, жизнь и вера // *Русская мысль*. 1913. № 3. С. 52–64; *Гроссман Л.* Бальзак и Достоевский // *Русская мысль*. 1914. № 1. С. 44–55.
- ¹⁴ Сюда же отнесём статьи «Л. Толстой и Достоевский» (1901–1903) Д. Мережковского, «Достоевский и Ницше. Философия трагедии» (1903) Л. Шестова, на близком расстоянии – «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (1911) А. Белого, «Достоевский и роман-трагедия» Вяч. Иванова (*Русская мысль*. 1911. Кн. 5–6), статьи В. Розанова 1911–1914 гг., наконец, «Русская трагедия» С. Булгакова (*Русская мысль*. 1914. № 4). Перечень может быть продолжен. При такой концентрации манифестированных высказываний о Достоевском в обобщающей работе историко-функционального характера, обзорающей судьбу художника в эстетическом сознании разных поколений и эпох, интересующий нас период – начало 1910-х годов – представлен только одной статьёй Вячеслава Иванова (См.: *Старикова Е.* На пути к целому (Ф. М. Достоевский) // *Время и судьбы русских писателей* : сб. ст. / редкол.: Н. В. Осьмаков (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1981. С. 187–248).
- ¹⁵ См.: *Ларин О.* Барон А. Е. Врангель. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–56 гг. СПб., 1912 [Рец.] // *Заветы*. 1912. № 6. С. 172–176; *Фомин А.* Историко-литературная библиотека / под ред. А. Грузинского. Вып. VII. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках / сост. Ч. Ветринский (Вас. Е. Чешихин). М., 1912 [Рец.] // *Заветы*. 1913. № 5. С. 217–219.
- ¹⁶ См.: *Ларин О.* В. Ф. Переверзев. Творчество Достоевского. М., 1912 [Рец.] // *Заветы*. 1912. № 7. С. 135–137; *Гизетти Александр.* Владимир Астров. Не нашли пути : Из истории религиозного кризиса : Станкевич. Белинский. Герцен. Киреевский. Достоевский. СПб., 1914 [Рец.] // *Заветы*. 1914. № 4. С. 45–46.
- ¹⁷ См.: *Игнатов И.* «Бесы» в Художественном театре // *Заветы*. 1913. № 11. Отд. II. Текущая жизнь (Обзоры и заметки). С. 131–138.
- ¹⁸ См.: *Львова Н.* Переверзев В. Ф. Творчество Достоевского Критический этюд. М. : Кн-во «Современные проблемы», 1912. 367 с. // *Русская мысль*. 1912. № 8. С. 285–286; *Долинин А. С.* Новое о Достоевском // *Русская мысль*. 1913. № 2. С. 12–16; *Булгаков С. Н.* Русская трагедия. О «Бесах» Ф. М. Достоевского, в связи с инсценировкой романа в московском Художественном театре // *Русская мысль*. 1914. № 4. С. 1–26.
- ¹⁹ *Ларин О.* Барон А. Е. Врангель. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–56 гг. СПб., 1912 [Рец.] // *Заветы*. 1912. № 6. С. 173. Далее цитаты в тексте приводятся на это издание с указанием страниц в скобках.
- ²⁰ См.: *Врангель А.* Из «Воспоминаний о Ф. М. Достоевском в Сибири» // *Достоевский Ф. М.* в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1 / вступ. ст., сост. и коммент. К. Тюнькина; подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М. : Художественная литература, 1990. С. 345–368.
- ²¹ *Тюнькин К.* Достоевский. Кто он? // Там же. С. 13.
- ²² *Фомин А.* Историко-литературная библиотека / под ред. А. Грузинского. Вып. VII. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках / сост. Ч. Ветринский (Вас. Е. Чешихин). М., 1912 [Рец.]. С. 217. Далее цитаты в тексте приводятся на это издание с указанием страниц в скобках.
- ²³ *Ларин О.* В. Ф. Переверзев. Творчество Достоевского. М., 1912 [Рец.]. С. 135. Далее цитаты в тексте приводятся на это издание с указанием страниц в скобках.
- ²⁴ *Иванов-Разумник.* Русская литература в 1912 году // *Заветы*. 1913. № 1. С. 54.
- ²⁵ *Белкин А.* Переверзев В. Ф. // *Краткая литературная энциклопедия* : в 9 т. Т. 5. М. : Советская энциклопедия, 1968. Стлб. 654–655.

Поступила в редакцию 25.08.2021, после рецензирования 06.09.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 25.08.2021, revised 06.09.2021, accepted 13.09.2021